

ПОВОЛЬНИКИ

(Рассказ)

Как раз там, где речка Малыковка впадает в Волгу – на самом яру – лет двести назад стоял каба́к "Разувай".

По Волге суденышки ходили – вниз сплавом или на веслах, а вверх – бечевую, что тащили бурлаки, или, при попутном ветре, шли Христовыми столешниками – парусами. А на суденышках каждый бурлак знал про "Разувай". Вниз ли судно идет, вверх ли – все равно: как завиднеется из-за белых гор зеленый лесок малыковский, так бурлаки в один голос:

– Чаль к "Разуваю"!

А уж как причалят, дорвутся:

– Гуляй!..

И здесь спускали все: серебро и медь из кисетов, шапки, рубахи, бахилы – все шло кабатчику. За вино хмельное, за брагу сычену, за девок за угодливых, за жратву сытную... Пропивались вдрызг, до штанов.

И, пропившись, с хмельным туманом в голове, с горькой сивушьей отрыжкой в горле шли бечевником дальше, тащили косоушки, баржи, прорези... Или веслами помахивали лениво.

Потом до самой Самары или до самого Саратова вспоминали:

– Вот так погуляли! Вот это каба-ак!

Так добрая слава ходила про "Разувай" по матушке-Волге.

А держал этот каба́к Ванька Боков – верховой волжанин, ругатель, сам пьяница, роста богатырского – в плечах косая сажень с четвертью, глаза черные, лицо выразительное, смуглое, точь-в-точь как у святого Николая, как его рисуют на древних новгородских иконах.

Откуда он пришел – этот Ванька Боков, – никто не мог бы сказать. А сам он загадочно молчал. Лишь по-пьянке, разгулявшись с гостями, крутнет головой бывало, махнет широко рукою и гаркнет:

– Где ты, мое времячко!..

А Ванькины гости – бурлаки, пьяницы, голытьба, пропойцы, – по ястребиному глянут на него и:

– Аль лучше прежде-то было?

Боков глаза в землю и, не отвечая, вдруг оглушительно, как труба, запоем старую разбойную песню.

Гости разом почувствуют, что здесь что-то свое говорит, родное, таинственное, разбойное, – растрогаются и спустят у кабатчика-певуна остатние гроши.

А вот купцы и купеческие приказчики, господа приказные да их соглядатаи – те косо поглядывали на каба́к. Дурная слава между ними ходила и про каба́к, и про самого Ваньку Бокова. Говорили, будто у Ваньки были товарищи, что жили в лесах, в оврагах, вверх по Малыковке, куда пройти – надо тропки знать, через болота, через трясь. И с этими товарищами Ванька ночами, а иногда и днем грабил купецкие суда. Будто умел Ванька хорошо крикнуть:

– Сарынь на кичку!..

Да ведь на чужой роток не накинешь платок.

Правда, не всегда суда благополучно проплывали мимо "Разувая", – случалось, что на песках, пониже Малыковки, подолгу валялись человечесьи трупы, выброшенные волжскими волнами, распухшие, синие, с разбитыми кистенем головами.

Да кто же знает, откуда они?

А приедут приказные, – Ванька без шапки им навстречу выйдет, умильный да нагибистый, в три погибели гнется:

– Милости просим, гости дорогие, пейте – кушайте.

Сам угодливый, – глаза постель мягкую стелят.

И пили приказные, и ели, и серебро у Ваньки брали, уже не справляясь, нагребил он его или честным путем добыл.

И все сходило Бокову с рук.

До старости Боков дожил – черная длинная борода белыми нитями засебрилась, погнулся он, ссыхаться стал, уже не пил с гостями – голытьбой, не пел старых разбойных песен – чаще молился перед черной старой иконой новгородского письма, перед ликом святителя Николая, который чем-то, как-то напоминал самого Ваньку...

А на смену Ваньке шли молодые Боковы: Петька, Микишка, да Степка.

Такие же дубы, как тятяша, отцову тяжелую кубышку разделили они